

ГРИБОЕДОВ И ЕГО КОМЕДИИ

Литературная судьба Грибоедова не соединена, а сплана с его комедией. Искажены наследия Гоголя «Ревизор», — останутся «Мертвые души» и петербургские повести, останется Гоголь; искажены наследия Пушкина «Борис Годунов», — стартуют маленькие трагедии, останется Пушкин-драматург; искажены на литературного наследия Грибоедова «Горе от ума», — останется замечательный дипломат, образованнейший человек своей эпохи, но лишь талантливый дилетант в театре, как в музыке; с «Горем от ума» он — великий писатель, стоящий рядом с Пушкиным и Гоголем, Мольером и Бомонье.

«Грибоедов сделал свое. Он написал «Горе от ума», — сказал Пушкин, потрясенный внезапной и страшной смертью Грибоедова в Тегеране в январе 1829 года.

Как всегда, Пушкин предельно ясен и неопровергнуто точен: написав «Горе от ума», Грибоедов не просто сочинил превосходную комедию, которая будет играть на сцене, пока будут существовать актеры, играющие на русском языке, — написав «Горе от ума», Грибоедов «сделал свое» дело жизни так же успешно, так жеочно, как «сделал свое» дело Островский, написав 48 оригинальных пьес, создав целый театр.

Давно уже сравнивали одиночное «Горе от ума» с другими одиночками произведений мировой литературы — с «Дон-Кихотом» Сервантеса, с «Робинзоном Крузо» Дефо. Авторы этих произведений, подобно Грибоедову, писали немало, но в мировой круг «бестной» литературы они вошли только с этими одиночками своими произведениями).

К одиночному созданию Грибоедова применимы слова поэта:

Но музу праду обидела.
Глядит, а на веяла у нея.
Вот эта книжка небольшая
Томок премногох тяжелая.

И не только тяжелой, но драгоценной, и долгоиграющей. С этой «небольшой книжкой» Грибоедов навсегда вошел в пантеон мировой поэзии. И его родная страна, его родной народ могут с гордостью сказать всем народам и векам, указывая на эту «небольшую книжку»:

Вот музу праду благородство:
Да, это гений поэта.
Здесь духи мошного господства,
Здесь утонченной жизни цвет.

Да, в комедии Грибоедова русская поэзия явилась несомненным, благороднейшим цветом: в ней было разыграно наивсего покончено с условностью традиционализмом бытовых комедийных форм, с упорным втихомицанием образов живых людей в традиционные формы «бролей» и «ампли», в ней было покончено с условностью театральной декламации, фальшиво подменявшей живую речь, с торжественным напевом александрийского стиха, заглушавшим свою величавую мерною живое голоса жизни. На читателя и зрителя, на актера и драматура разыгралась поэтия от «Горя от ума» чудесным запахом жизни. Великую комедию не надо ничем подновлять, не требуется никакого освещения ее красок, никакого усиления ее жизненного звучания. Она — вот уже 120 лет — живет своей неувядаемой жизнью.

Но слова поэта указывают еще на одно качество «книжки небольшой»:

Здесь духи мошного господства.

Своей комедии Грибоедов отдал около десяти лет жизни, примерно, сколько же, сколько Лермонтов — «Демон», Гоголь — «Мертвые души», и вложил в нее всю силу своего таланта, всю остроту своей мысли, всю прекрасную страсть своей души.

В комедии Грибоедова не только видно солнечной яростью все, что он видел с исключительной зоркостью и острою взглядом, — в великой комедии ясно слышно все, что ее автор думал о русской жизни, о ее горечи и скорби, все, что он чувствовал, вникая в судьбы родного народа, томившегося в крепостной неволе.

Есть много замечательных произведений драматургического искусства, в которых как бы отсутствует их автор: он представляет своих действующих лиц их собственной судьбе, логике их собственного поведения. Таков Островский в лучшей своей комедии «Своя люди — сочтены», таков Писемский в лучшей своей драме «Горькая судьбина». И, наоборот, есть замечательные драматические произведения, в которых автор вводит себя в число действующих лиц, под грифом того или другого персонажа проводит свои идеи, раскрывает свои мысли о настоящем, излагает свои domыслы о будущем. В великолепном «Недоросле» благородная личность автора трогает между Стародумом, Правдином и Милоном: из уст того, другого и третьего слышится то самое, что исходит из мысли и чувства самого Фонвизина.

В комедии Грибоедова автор нигде не является супергером для своих действующих лиц. Но и нет ни одной минуты действия, когда бы не чувствовалось живое присутствие автора в мощном драматическом действе его пьесы, то комическому, то лирическому, то трагическому и всегда насыщенному реалиям и неизменно правдивому.

Чацкий вовсе не есть двойник Грибоедова.

Некоторые из книг этих авторов, несомненно, было бы полезно перевести на языки братских народов. И есть книги, которые порты, обязательно надо поставить на полку рядом с Токтогулом и Церетели, рядом с «Ирон Файдром» и «Давидом из Сасуна» — другие мировые книги, обращенные к самим основам человеческого духа.

«Поймут ли?» — спрашивали осторожные люди лет пятнадцать тому назад, когда «Робинзона» перевели на аварский язык. Великая же книга была так принята, что ее сюжет и положение и даже переложения через год рассказывали в сосновых аулах бухадоров (богиццев), где свободно говорят по-аварски, но где существует древний язык азиатской группы.

Талантливое прилипчиво. Талантливая книга — налилась на неизвестном языке, — а разговор общечеловеческими понятиями на любом наречии. «Робинзона» сторонылись осторожные люди, они были убеждены, что Дефо заразит аварских детишек беспечными фантазиями. Что ж! Были и такие, которые когда-то упрекали Пушкина в легкомыслии, а Гоголя — в будничности стиля. Не одни Булгарин с Энсовым боялись жизни клеветали на нее. Другие боялись жизни хотя бы недальновидности.

Два юбилея, Чехова и Крылова, вызвали обычные переводы и обогатили в 1944 году несколько братских литературу. Нам пришло быть сандаками того, как литераторы некоторых национальных республик принимали Чехова, затем Крылова. Недавно «Литературной газете» мы издали Крылова и что Крылов звучит на 26 языках народов СССР.

Литературная газета № 2

Л. ПАВЛОВ

ЖИЗНЬ КНИГИ

Есть вечные книги. Они непременно должны появиться в переводах на языки братских народов. И есть книги, которые порты, обязательно надо поставить на полку рядом с Токтогулом и Церетели, рядом с «Ирон Файдром» и «Давидом из Сасуна» — другие мировые книги, обращенные к самим основам человеческого духа.

«Поймут ли?» — спрашивали осторожные люди лет пятнадцать тому назад, когда «Робинзона» перевели на аварский язык. Великая же книга была так принята, что ее сюжет и положение и даже переложения через год рассказывали в сосновых аулах бухадоров (богиццев), где свободно говорят по-аварски, но где существует древний язык азиатской группы.

Якутский историк, писатель Башарин, на вечере перевода поэмы Кулаковского «Сновидение шамана» заметил, что Кулаковский написал поэму под влиянием германского «Демона». Что общего у демона с якутским прорицателем? Чем похожи снежные равнины Якутии на «роскошную Грузину долины»? Общее тут оно — общий творческий огонь, который может возникнуть любому времени, согреть всякий сюжет. Лермонтов открывает пред глазами читателя тему, которую он изложил в первом же поэма на якутском, Лермонтову совершенно не ведомом материале. Так в каждом народе «сужа» великая книга открывает творческое поле.

И вот каждый раз киргизские литераторы открывали новые языки в своем народе, когда Мукаль Эльбасов перевел «Мертвые души» или что-либо, столь же веское, когда Мухамед Додгуров перевел горьковскую «Мать», когда Касымалы Баялинов перевел «Вечения Онегина», когда Альку Осмонов перевел «Носищего». Перевод каждого нового великого произведения на языки киргизов, — а на них мы взираем только для примера, — сопровождался каким-то магнитным смещением: внешние языки, которые никогда не были в контакте, начинают звучать в одинаковых языках, разрывается языковой пропасть.

Две книжки, Чехова и Крылова, вызвали обычные переводы и обогатили в 1944 году несколько братских литературу. Нам пришло быть сандаками того, как литераторы некоторых национальных республик принимали Чехова, затем Крылова. Недавно «Литературной газете» мы издали Крылова и что Крылов звучит на 26 языках народов СССР.

Литературная газета № 2

С. ДУРЫЛИН

вас. Чем глубже идет изучение жизненной и творческой личности автора «Горе от ума», чем пристальнее всматриваются мы в образ Чацкого, тем несомненней убеждаемся в том, что Грибоедов — не Чацкий и что Чацкому никогда бы не написать «Горе от ума» и не бывать, бы, ни при-

годом.

Этот внутренний «эрзя» чувствуется во всем государственно-литературном деятельности Грибоедова: он горячо защищает и бледнет интересы русского народа, родной страны, но он — непримиримый противник правительственный «скалозубовщины» Аракчеева и Николая I. «Кто нас уважает, певцов истинно вдохновленных, в том kraю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу сюжетов и крепостных рабов?»

Вот самочувствие Грибоедова в эпоху правительственный скалозубовщины и при дворного молчаливства. И когда Грибоедов в том же письме 1826 года пишет: «Все таки Шерemetев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и кресьян, — он после крушения дебабского восстания, продолжает те же политические выпады, которые, задолго до дебаба, Чацкий вел против «Несторов неготов знатных», против вельмож вроде дядюшки «Максима Петровича», против всех окружителей крепостничества и защитников самодержавного самоуправства.

Пушкин, прочтя «Горе от ума», написал будущему декабристу А. А. Бестужеву: «В комедии «Горе от ума» кто умнее действующего лица? Ответ: Грибоедов».

Это «сумное действующее лицо» поискает неизвестно где-то подле Фамусова, Загребецкого и Скалозуба и как бы выывает из них признания, в которых выявляется вся их реакционная сущность, вся вредоносность им подобных в истории их страны, в судьбах их народа. Когда Чацкий отзывается короткими репликами на пространные лжемилитарные словозивицы Репетилова, чувствуется, что около них где-то стоит все то же «сумное действующее лицо» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

Чацкий — не Грибоедов: то «образ» Грибоедова, с его пламенной душой, с его скептическим умом, умеющим ненавидеть, меньше, чем любить, «сознанен» на этом московском юноше начала 1820-х годов, но «дух» Грибоедова, свободный, неукротимый, живет в этом молодом человеке, поднимающем против себя вихри вражды и злобы в обществе Скалозубов и Молчаливых.

История приходит к заключению, что Грибоедов как личность, как ум и характер, как гражданин и мыслитель является одним из самых замечательных, — если не самым замечательным, — представителем поколения дефобротов, воспитанного героями драматургии, воспитанного героями истории и со своими затейными думами о путях родного народа в истории и в современности.

Пушкин прав: «Грибоедов сделал свое» — он запечатал себя в своей комедии для венской горячей любви своего родного народа.

Если бы не существовало никаких биографий Грибоедова, если бы мы ничего не знали о его личности, мы узнали бы Грибоедова во всей полноте его благородства, Предсказание сбылось. Половина, может быть и больше половины стихов «Горя от ума» вошла в пословицу. В русской словесности, в судьбах их народа. Когда Чацкий отзывается короткими репликами на пространные лжемилитарные словозивицы Репетилова, чувствуется, что около них где-то стоит все то же «сумное действующее лицо» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному пустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — «Горя от ума» — не только превосходная комедия, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «жизненный дух» са-материальности, живет «умнее действующего лица» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному

Джадар Джабарлы

К'десятити со дня смерти

Блестящее дарование Джадара Джабарлы оставило глубокие, непрекращающие следы на всей истории советской литературы Азербайджана.

Сын бакинского угольщика, Джадарлы начал свою творческую деятельность незадолго до Октября.

18-летним юношей Джадарлы написал первую свою драму. Основной темой его ранних пьес стала обостительная борьба угнетенных народов. Одна из другой написаны пьесы — «Взятие Арианополя», «Триполийская война» («Улдуз»), «Увядшие цветы».

Но недолго молодой драматург увлекалась «азербайджанскими темами». В 1920 году в Азербайджане утвердились советская власть, происходят волнующие события, и Джадарлы покинул «Балканы» и «Африку», взялся за азербайджанские темы.

Постановка пьес Джадарлы «Айдын» и «Октябрь эль оглу» в театральном сезоне 1922—23 г. принесла молодому драматургу популярность.

«Писатель, который не умеет быстро заражаться звонами времени, — говорил Джадарлы на первом Всесоюзном съезде Союза советских писателей, — и заражать своего читателя, — не писатель! Драматург, который не умеет сделать так, чтобы по его воле зритель плакал или смеялся, — не драматург!».

Духом протesta против темных сторон азербайджанской старины проникнуты и драмы молодого Джадарлы, и его рассказы, и его романтическая поэма «Гызылгасас».

Ранние пьесы Джадарлы, несомненно, имели для нашего зрителя и читателя положительное значение. Его герой Эльхан может спастись, покорившись своим убеждениям. Но он, отвергаet этот путь к спасению. Эльхан умирает, убежденный в правоте борьбы против азербайджанской власти, против деспотии земель, зрителю ощущает, что дело не в далеких «карабахах», а в недавних властителях азербайджанской жизни. Гибель Эльхана-Бабека означает его торжество.

В пьесе «Севиль» Джадарлы выдвигает проблемы большого исторического значения. Социалистическая революция поставила вопрос о полном раскрытии азербайджанки. Джадарлы показал, как советская женщина-азербайджанская включается в практическую деятельность. Джадарлы показал образ азербайджанки, силой воли вырвавшейся из затхлого мешанского мира, ставшей свободной советской женщины-труженицей. «Севиль» — яркое художественное отражение тех глубоких изменений в быту и сознании людей, которые произошли в Азербайджане в первое десятилетие советской власти. Героями пьесы, Севиль, оказались сильное влияние на жизнь; примеру Севиль последовали многие сотни тысяч изящих женщин, имя Севиль стало у нас нарицательным.

Успехи социалистического строительства, поворот интеллигенции к социализму привели Джадарлы к созданию его самой волнующей, острой, талантливой пьесы — «Алмас». Она блестяще отразила сложный процесс перестройки старой азербайджанской деревни, накануне колхозификации, борьбу советских людей с патриархальными и консервативными традициями. В образе учительницы Алмас автор очертил тип женщины, утверждающей новый, советский быт и культуру в деревне.

В 1931 году на сцене Азербайджанского драматического театра появилась новая пьеса Джадарлы «В 1906 году»: посвященная борьбе бакинского пролетариата, затем пьеса «Проворот» — о жизни интеллигентов, пьеса, в которой показана борьба азербайджанских колхозников за реконструкцию сельского хозяйства.

Эта драмы открыли новый путь развития азербайджанского театра. Джадарлы ясно понимал задачу советского писателя: «отобразить нашу великую страну, мобилизовав своих сограждан к новым победам». Но Джадарлы совершенно правильно учил и то, что «при всех обстоятельствах драматург обязан дать полнокровное, высокое художественное произведение». Его пьесы остро и во-время отвечали на прямые запросы времени, отражали новые явления жизни, были блестящими по мастерству. Пьесы его всегда оригинальны, сюжетно напряжены, психологически глубоки. Джадарлы хорошо знал новых людей родной страны. Они тысячами проходили перед внимательными, любовными глазами человека, который чутко и мастерски лепил изображения.

На грандиозных полях сражений идет грязный смертный бой за свободу и счастье народов нашей великой страны. И Джадарлы, самый талантливый азербайджанский писатель нашей эпохи, классик нашей драматургии, своими вдохновенными произведениями помогает нам воспитывать чувства героизма, любви и преданности к отчине, волю к борьбе и победе над врагом в славных синах азербайджанского народа, которые вместе с братьями русскими, украинцами, узбеками, грузинами громят венавистного врага.

Р. ФРАЕРМАН

«Земля родная»

Когда вместе с детьми мы смотрим в Московском театре юного зрителя новый спектакль — сказку Алексея Симукова «Земля родная» и видим на юных лицах то страх за судьбу девушки Любаша, то радость за избавление Страны Землянкой от героя Железное Сердце — и вместе с этой взволнованной детской толпой спешим к выходу, мы говорим себе: «Да, нам доказали на этот раз хорошую сказку».

А между тем, надо признать, показать было трудно.

Нет, как будто, области искусства более заманчивой, чем сказка, где фантазия даётся полный простор. Но дело не в фантазии — притягивает можно, что угодно. Дело в том, что фантазию претворять в образы, в поэзию, а позже — в мурную мысль и высокие чувства, которые надолго бы, на всю жизнь запали в душу ребенка.

Именно с этой стороны хороши показанные нам сказки. Она укрепляет в детском сердце привязанность к отчине, возвращает в нем отвагу, верность, мужество, веру в силу добра и отвращение к силам зла.

Но повторяю — много опасностей предстаивали и для актеров и для постановщиков сказки Симукова. Даже и сейчас, когда спектакль одет, и в нем видите на сцене и свет, и краски, и движение, все же чувствуете несовершенство драматургического материала.

Первый акт несколько стичат, действие замедлено. Витязь Никита, любящий девушку Любашу — doch старого сказочника, отправляется добывать меч Светогоря. Только с его помощью можно победить

ИЗДАТЕЛЬСТВА В 1944 ГОДУ

Детгиз

В беседе с нашим сотрудником главным редактором Детгиза А. Конюновым рассказал:

— Отбор книг, наиболее соответствующих научно-педагогической основе, на которой должна развиваться деятельность Детгиза, представляет особую нашу заботу.

Нам дорог тот романтический жанр, лучшим образом которого в советской детской литературе был и остается «Тимур и его команда» А. Гайдара. Жанр этот, во-первых, отвечает глубоко заложенному в нашем юношестве стремлению к героическому и, во-вторых, направляет это благородное стремление к высоким целям службы родине.

В традициях этого романтического жанра — выпущенная нами в этом году поэзия Льва Касилья «Дорогие мои малыши». Другая романтическая по своему характеру книга — это повесть А. Перенесова «Школьники — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о героях войны — Александре Матросове и Александре Молодчем, рассказы К. Федина «Мальчики» — о суворовых. Однажды ремесленные ученики написали С. Михалков («Данила Кузьмич») и А. Барто («Никита»). Выходит в свет книжка С. Мараша «Школьник — на память», в художественной форме разрабатывающая тему о правилах поведения учащихся. Находится в производстве «Почтовой» А. Мараша.

В 1944 году Детгиз впервые приступил к изданию детской книжки-игрушки. Недавно вышли в свет «Моя блокнотик» (о комсомолцах-партизанах), вышедшие в «Военной библиотеке» очерки о